

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Научный журнал

2013

№ 4 (24)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 19 ноября 2007 г.

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Безлепкин Е.А., Сторожук А.Ю. Онтологический анализ метафизических оснований теории великого объединения.....	5
Горбатов В.В., Горбатова Ю.В. Модальная версия онтологического аргумента в свете логических идей Н.А. Васильева	11
Ладов В.А. О понятии информации в контексте современных исследований по проблемам семантики и искусственного интеллекта.....	26
Ламберов Л.Д. Дефляционизм как метафизическая концепция.....	33
Моисеева А.П. К вопросу о соотношении понятий междисциплинарности и трансдисциплинарности в научном познании.....	40
Суховерхов А.В. Экологический подход в исследовании языка, коммуникации и познания	48
Целищев В.В. Формальные онтологии и семантика примитивных концепций оснований математики.....	55
Черняк А.З. Автоматические референции.....	71

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ардашкина О.М. Актуализация роли архива в современном обществе: философский подход.....	83
Киселев В.И. Основания устойчивости системы «совместная деятельность» на различных этапах её развития.....	92
Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю. Сетевые структуры в глобальном мире.....	99
Красиков В.И. «Бытие и время»: экзистенциализм versus антропология.....	108
Нургалеева Л.В. Мультинациональное и трансверсальное. Проекции коммуникативной онтологии	117
Пирогов С.В. Горизонты исследований визуального.....	124

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Ильина Ю.А. Онтология сознания Казимира Твардовского	132
Кречетова М.Ю. Способность воображения в онтологии И. Канта	140
Лобовиков В.О. «Бытие вещей в себе» И. Канта и обобщающее его «бытие-в» М. Хайдеггера с точки зрения двузначной алгебры метафизики	150
Малышкин Е.В. Телесная религия Бенедикта Спинозы	157
Родин К.А. Витгентштейн против Гёделя: доказанность и доказуемость	163
Содомора П.А. Терминосистема Томы Аквинского: философско-лингвистический анализ.....	170
Юрьев Р.А. Понятие «действия» в аналитической философии Г.Л.А. Харта: генезис и значение.....	175

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	183
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	185

ГИЯ ЖУРНАЛА
СЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
I. ПОЛИТОЛОГИЯ»

ук, профессор каф. истории философии; E-mail: surovtshev1964@mail.ru; Лавин, профессор каф. онтологии, философии и логики, тел. (3822)529-784, E-mail: лавин@yandex.ru; секретарь, канд. филос. наук, доцент каф. социальной философии, философии и логики; Рыкун А.Ю., д-р соц. наук, зав. каф. социальной работы; Мазаева О.Г., канд. философии и логики; Можаева Г.В., канд. философии и логики; Сыров В.Н., д-р соц. наук, д-р философии и социальной философии, проф., зав. каф. философии и социальной работы; Челищев В.В., д-р философии и права СО РАН (Новосибирск)

УДК 740

М.Ю. Кречетова

СПОСОБНОСТЬ ВООБРАЖЕНИЯ В ОНТОЛОГИИ И. КАНТА¹

Рассматривается функция способности воображения в онтологии И. Канта. Эта функция наиболее подробным и исчерпывающим образом представлена в интерпретации М. Хайдеггера, изложенной им в его ранних лекционных курсах «*Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft*» и «*Kant und das Problem der Metaphysik*». Задача этой статьи: во-первых, представить уникальную, авторскую интерпретацию, слабо известную русскоязычному читателю, во-вторых, каталогизировать аргументы «в пользу» фундаментального характера способности воображения, в-третьих,, провести границу между «аутентичными» и «модернизирующими» прочтением «Критики», между прочтением, соответствующим «букве и духу» оригинала, и разработкой М. Хайдеггером собственной онтологии на основе интерпретации кантовской.

Ключевые слова: воображение, время, схематизм, синтез априоризации, синтез репродукции, синтез реконструкции.

Выделение способности воображения как ключевой способности в онтологии И. Канта не является ни распространенным в научной среде, ни академически признанным. Казалось бы, для этого есть все основания. Во-первых, в введении к «Критике чистого разума» И. Кант упоминает только две ключевые способности человеческого познания: чувственность и рассудок, созерцание и мышление. Во-вторых, в «Критике» есть специальный раздел, посвященный способности созерцания – «Трансцендентальная эстетика», есть целых два раздела, посвященных мышлению – «Трансцендентальная логика» и «Трансцендентальная диалектика», но нет раздела, посвященного отдельно способности воображения. В-третьих, способность воображения трактуется в «Критике способности суждения» в рамках противопоставления теоретического и эстетического, что, по-видимому, исключает фундаментальное значение этой способности собственно для знания, а не для восприятия прекрасного. И тем не менее есть целый ряд указаний на то, что воображение выполняет фундаментальные функции в познании, которые не могут быть приписаны или сведены ни к созерцанию, ни к мышлению. Особенно отчетливо это видно на примере текста первого издания «Критики чистого разума».

В этой связи представляется важным разобрать интерпретацию «Критики», настаивающую не только на фундаментальном, но и на первичном характере способности воображения в познании. Речь идет об интерпретации М. Хайдеггера, осуществленной им в его ранних лекционных курсах «Фено-менологическая интерпретация кантовской критики чистого разума» и «Кант и проблемы метафизики». Задача этой статьи – не только представить уникальную, авторскую интерпретацию, слабо известную русскоязычному чита-

¹ В данной статье использованы результаты работы, полученные в ходе реализации в 2013 г. научного проекта «Способность воображения в онтологии и эстетике И. Канта» при финансировании факультета философии НИУ ВШЭ.

ОНТОЛОГИИ И. КАНТА¹

в онтологии И. Канта. Эта функция представлена в интерпретации курсах «*Phänomenologische Interpretation des Problems der Metaphysik*». Затем, авторскую интерпретацию, каталогизировать аргументы «в выражении, в третьих», провести прочтением «Критики», между тем, и разработкой М. Хайдеггером собственной онтологии на основе интерпретации кантовской.

¹ Синтез аппрекенции, синтез репродук-

ключевой способности в онтологии в научной среде, ни академичность все основания. Во-первых, он упоминает только две ключевые ценности и рассудок, созерцание циальный раздел, посвященный эстетике, есть целых два раздельная логика» и «Трансцендентного отдельно способности воображения практикуется в «Критике способности эпистемического и эстетического, то значение этой способности для красного. И тем не менее есть выполняет фундаментальные приписаны или сведены ни киво это видно на примере текста.

брать интерпретацию «Критике в первом, но и на первичном ходе. Речь идет об интерпретации их лекционных курсах «Феноменики чистого разума» и «Кант – не только представить известную русскоязычному чита-

ученные в ходе реализации в 2013 г. на эстетике И. Канта» при финансировании

телю, не только каталогизировать аргументы «в пользу» фундаментального характера способности воображения, но и, по возможности, провести границу между «аутентичным» и «модернизирующим» прочтением «Критики», между прочтением, соответствующим «букве и духу» оригинала, и разработкой М. Хайдеггером собственной онтологии на основе интерпретации кантовской.

В «Критике» имеется три отрывка, где речь идет о способности воображения: это 6 абзацев §10, разделяющих таблицу суждений и таблицу категорий; раздел о схематизме чистых рассудочных понятий и раздел о синтезах аппрекенции, репродукции и реконструкции. Разберем их по порядку.

Первый фрагмент, где впервые упоминается и определяется способность воображения, посвящен вопросу соотношения таблицы суждений и таблицы категорий: выводима ли вторая из первой, и, если нет, какое опосредующее звено между ними находится. В первом абзаце §10 И. Кант приводит традиционное противопоставление формальной и трансцендентальной логики, а затем говорит о некоем новом, ранее не упомянутом условии познания: «Однако спонтанность нашего мышления требует, чтобы это многообразие (данное благодаря пространству и времени. – М.К.) было известным образом *предсмотрено, усвоено и связано* (курсив мой. – М.К.) для получения из него знания. Эту деятельность я называю синтезом» [1. С. 81]. М. Хайдеггер акцентирует внимание на том, что имеется некое *предварительное* условие для деятельности рассудка, то есть для деятельности образования понятий. Говоря проще, материал, поставляемый созерцанием, является еще слишком сырьим и необработанным, если угодно, хаотическим, чтобы рассудок мог с ним работать. Требуется некий синтез, который привел бы этот материал в более пригодную для последующей работы мышления форму.

Во втором абзаце И. Кант определяет сферу действия этого синтеза, различает эмпирический и чистый синтез и высказывает два ключевых тезиса. Первый: «Ни одно понятие *по содержанию* не может возникнуть аналитически» [1. С. 82]. И второй: «Поэтому синтез есть первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о первом происхождении наших знаний» [1. С. 82]. Синтез здесь противопоставляется анализу. М. Хайдеггер интерпретирует это противопоставление следующим образом: анализом у И. Канта называется акт логического образования понятий (посредством процедур рефлексии, сравнения и абстрагирования), а синтезом – предшествующий этому акт обработки представлений, который описывается у И. Канта как «акт присоединения различных представлений друг к другу и понимания их многообразия в едином акте» [1. С. 81]. Попробуем проиллюстрировать суть этой интерпретации на примере: в процессе формирования понятия «дерево» наш рассудок первоначально усматривает нечто «единое» (общее) в представлениях «дуба», «березы», «ясеня», «каштана» и т.д., затем сравнивает эти представления относительно этого единства и уже напоследок проводит процедуру абстрагирования. Но до собственно рассудочных актов эти созерцательные представления должны быть обработаны таким образом, чтобы, когда мы совершаем дискурсивную работу, т.е. производим членочное движение по ряду представлений, предшествующие представления в ряду не пропадали бы «из виду», а были бы даны сразу, в одном горизонте, так,

чтобы можно было их сравнивать. Такую данность и обеспечивает описываемый синтез.

В третьем абзаце И. Кант прямо называет способность, отвечающую за разбираемый синтез, – это способность воображения. И. Кант приписывает ей, правда, ту же видовую характеристику, что и созерцанию, – «слепоту», однако делает и исключительно важную remarque: «Без этой деятельности (способности воображения. – М.К.) мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко сознаем ее в себе» [1. С. 82]. Здесь важны обе части цитаты: «мы и редко сознаем ее в себе» и «редко сознаем». Исключительная важность этой способности сочетается с неочевидностью ее проявлений для сознания. Эта неочевидность, зыбкость, по-видимому, также сыграет некую роль в корректировках и правках, внесенных И. Кантом относительно способности воображения во второе издание «Критики».

М. Хайдеггер же указывает, что в третьем абзаце ясно и недвусмысленно говорится о существовании третьей познавательной способности – способности воображения, и напоминает, что в § 28–36 «Антропологии» И. Кант говорит о различных видах силы воображения и о возможности представления прошлого и будущего посредством этой способности. Из этого же отрывка М. Хайдеггер черпает определение этой способности у И. Канта: «Allgemein bedeutet die Einbildungskraft – facultas imaginandi – einVermögen der Anschauungen auch ohne Gegenwart des Gegenstandes»¹ [2. С. 278]. Вполне аккуратно толкуя эту цитату, М. Хайдеггер отмечает, что сила воображения имеет характер созерцания, но созерцания без аффицирования, поскольку предмет в данный момент (в настоящее время) не воздействует на наши чувства. А раз нет аффицирования со стороны предмета, значит, есть некая активность (спонтанность) нашей души. Отсюда и вытекает некое промежуточное положение способности воображения: между созерцанием и мышлением.

Эта третья познавательная способность вызывала у И. Канта сильнейшие интеллектуальные колебания и сомнения, поскольку не вписывалась в традиционное учение о способностях души, поскольку представлялась чем-то слишком зыбким и смутным, чтобы быть фундаментом познания, поскольку, как это, видимо, представлялось И. Канту, попадала в сферу психологического рассмотрения и тем самым выпадала из сферы «чистого» рассмотрения. М. Хайдеггер полагает, однако, что в учении о способности воображения И. Кантом достигнуто новое и глубокое онтологическое измерение субъективности, не имеющее ничего общего с психологией, и что без полагания силы воображения как фундамента единства созерцания и мышления вся кантовская экспозиция остается непонятной. Как известно, И. Кант внес во втором издании только одну правку в рассматриваемый нами фрагмент, а именно заменил фразу «функция души» на фразу «функцию рассуждка». Но, поскольку все остальное осталось неизменным, эта правка внесла лишь серьезные когерентные противоречия в данный фрагмент.

Вернемся к кантовской экспликации. В четвертом абзаце И. Кант уточняет понятие «чистый синтез». Синтез является чистым, поскольку материал,

¹ «Будучи истолкована в общем, способность воображения – facultas imaginandi – есть способность созерцания без наличия предмета» (перевод мой. – М.К.).

ность и обеспечивает описы-

способность, отвечающую за ажения. И. Кант приписывает о и созерцанию, – «слепоту», арку: «Без этой деятельности если бы никакого знания, хотя важны обе части цитаты: «ниньная важность этой способности для сознания. Эта неочевидную роль в корректировках и способности воображения во

абзаце ясно и недвусмысленно – способности – способности «Антропологии» И. Кант говорил о возможности представления обности. Из этого же отрывка обности у И. Канта: «Allgemein nandi – «einVermögen der Andes»»¹ [2. С. 278]. Вполне аккуратно, что сила воображения имеет выражения, поскольку предмет в действует на наши чувства. А раз значит, есть некая активность зает некое промежуточное положением и мышлением.

изывала у И. Канта сильнейшие поскольку не вписывалась в традицию поскольку представлялась чем-то идентом познания, поскольку, падала в сферу психологической сферы «чистого» рассмотрения. ли о способности воображения ологическое измерение субъектологий, и что без полагания созерцания и мышления вся канк известно, И. Кант внес во вторичаемый нами фрагмент, а именно «функцию рассудка». Но, по-эта правка внесла лишь серьезный гмент.

етвертом абзаце И. Кант уточняется чистым, поскольку материал,

ижения – *facultas imaginandi* – есть способность [К].

который он связывает, является чистым, а не эмпирическим: многообразие созерцаний пространства и времени. Например, многообразие моментов «теперь» во времени в отличие от многообразия цветов, запахов, звуков в эмпирическом созерцании. И вторая важная мысль абзаца: «Чистый синтез, представленный в общей форме, дает чистое понятие рассудка» [1. С. 82]. М. Хайдеггер в своей интерпретации сосредоточивается на формуле «представленный общим образом». Он напоминает, что «всеобщее представление» – это и есть понятие, а значит, «представить общим образом» означает «подвести под понятие». Отсюда вытекает, что чистый синтез образует содержание чистых рассудочных понятий, а ключевую функцию в выработке содержания этих понятий играет трансцендентальная сила воображения.

В пятом абзаце И. Кант опять противопоставляет понятия анализа и синтеза, а затем последовательно и систематически перечисляет все, что входит в состав чистого познания. Следует, однако, отметить, что у И. Канта присутствует здесь некоторая терминологическая путаница. Так, в данном абзаце он называет анализом акт образования обычных понятий («дерево», «человек», «звезда» и проч.) и приписывает эту деятельность «формальной логике», а синтезом – акт образования чистых рассудочных понятий («причина», «субстанция», «возможность» и проч.) и приписывает эту деятельность «трансцендентальной логике». А в более позднем отрывке И. Кант называет акт образования и тех, и других понятий синтезом реконструкции, различая, правда, эмпирический и чистый уровень реализации этого синтеза. За анализом же остается функция экспликации уже имеющихся, готовых понятий. М. Хайдеггер перенимает приведенное в данном абзаце различение анализа и синтеза и переименовывает их в «онтическое» и «онтологическое» образование понятий соответственно, а также делает важное наблюдение, что чистые рассудочные понятия, или категории, имеют свой собственный генезис и не могут быть получены на пути дальнейшего эмпирического абстрагирования от обычных понятий. Затем М. Хайдеггер вслед за И. Кантом просто перечисляет компоненты чистого познания:

- 1) многообразие моментов времени;
- 2) синтез этого многообразия в воображении;
- 3) понятия, привносящие единство в этот синтез.

Относительно шестого, последнего абзаца М. Хайдеггер сразу оговаривается, что его содержание при беглом прочтении кажется противоречащим всему сказанному раньше. Ведь абзац начинается с констатации того, что именно рассудок привносит в свои понятия как форму, так и содержание. Но М. Хайдеггер предлагает обратить внимание на следующую деталь: привносит «посредством синтетического единства многообразия в наглядном представлении (созерцании) вообще» [1. С. 82], то есть посредством силы воображения.

Так, М. Хайдеггер, аккуратно и не погрешая против текста, показывает фундаментальный характер силы воображения в познании, проинтерпретировав всего 1,5 страницы текста.

То, что было изложено И. Кантом в §10 лишь архитектонически и «программно», прописывается буквально до деталей в разделе о схематизме. И. Кант как обычно начинает с действия способности на эмпирическом уровне, чтобы затем выделить и описать чистый. На эмпирическом уровне схе-

ма – продукт способности воображения – служит опосредующим моментом между *сингулярностью* созерцательного образа и *всеобщностью* понятия. Вне этого посредника они никак не могли бы быть соотнесены, поскольку единичное и всеобщее не имеют ничего «общего». А если они не могли бы быть соотнесены, то и никакое познание не было бы возможным, поскольку знание – это всеобщее и необходимое знание о предметах, которые даны исключительно посредством способности созерцания. И. Кант приводит здесь простые и понятные примеры со схемами обычных и математических понятий, наподобие понятия «собака», понятия «треугольник», понятия «число 5». Намного сложнее дело обстоит с трансцендентальным схематизмом. Здесь, с одной стороны, имеются чистые рассудочные понятия или категории. С другой стороны, чистое созерцание. Однако под чистым созерцанием подразумевается исключительно время, а не пространство, поскольку категории должны определять любые предметы вообще, безотносительно к тому, существуют ли они физически или психически. Но «психическое» не дано в форме пространства, поскольку пространство есть форма данности только предметов «внешнего чувства». Время же является универсальной формой созерцания. Получается, что, с одной стороны, есть категории, с другой стороны – время. Но время является, так же как и созерцательная данность обычных предметов: «розы», «звезды», «камня», – сингулярным представлением (см. третий тезис «Метафизического рассмотрения времени» о том, что время не является дискурсивным представлением). М. Хайдеггер в своей интерпретации акцентирует внимание на том, что 12 категорий должны черпать «образ» из единственного, сингулярного представления времени, то есть единственный образ должен каким-то образом дифференцироваться на многообразие чистых образов. Это возможно благодаря действию трансцендентальной силы воображения: «Потому схемы суть не что иное, как априорные определения времени по правилам» [1. С. 130] или «трансцендентальные определения времени». Схемы категорий количества определяют время в качестве «временного ряда», категорий качества – в смысле «содержания времени», категорий отношения – в качестве «порядка времени» и, наконец, категорий модальности – в отношении «совокупности времени». Таким образом, характеристики времени, к примеру, такие как не обратимость, одномерная направленность или последовательность, невозможны без действия трансцендентальной силы воображения. М. Хайдеггер делает отсюда вывод, что само время конституируется схематизмом, то есть действием трансцендентальной силы воображения. К этому следует добавить функцию трансцендентальной силы воображения применительно к рассуждку. Синтез, лежащий в основе действия этой способности, определяет содержание чистых рассудочных понятий. В совокупности эти два обстоятельства – априорное определение времени и выработка содержания чистых рассудочных понятий – позволяют рассматривать схематизм как основу познания вообще, а трансцендентальную силу воображения как фундаментальную познавательную способность.

Однако раздел о схематизме находится в противоречии с разделом о трансцендентальной дедукции категорий. В разделе о трансцендентальной дедукции категорий И. Кант фактически ставит вопрос, уже разрешенный в

разделе о логике схемы горий же о тчасти гории структурически трансцендентальными от их даннот ское, а priori кния к привод суммира И. Кант И. Кант вавшая логику И. Кант «психологи дисципл метафизиций, и о вовес по «трансцендентальным предметам» тяжбы» и новании раздел о исследований дедукции, связанных прочного

После места фрагмент дедукции (понятий, про

¹ В первом признании».

г опосредующим моментом и всеобщностью понятия. быть соотнесены, поскольку ». А если они не могли бы возможным, поскольку предметах, которые даны испытания. И. Кант приводит здесь чистых и математических понятий «числугольник», понятия «численческим схематизмом. логические понятия или категориально под чистым созерцанием странство, поскольку катего-це, безотносительно к тому, Но «психическое» не дано в есть форма данности только есть универсальной формой есть категории, с другой сто-и созерцательная данность – сингулярным представле-и отрения времени» о том, что м). М. Хайдеггер в своей ин-12 категорий должны черпать ставления времени, то есть дифференцироваться на мно-одаря действию трансценден-ть не что иное, как априорные или «трансцендентальные оп-тва определяют время в каче-в смысле «содержания време-ка времени» и, наконец, кате-сти времени». Таким образом, к необратимость, одномерная узможны без действия транс-тер делает отсюда вывод, что есть действием трансценден- добавить функцию трансцен-к рассудку. Синтез, лежащий в содержание чистых рассудоч-ельства – априорное определение рассудочных понятий – позво-лнизаия вообще, а трансценден-ную познавательную способ-ь в противоречии с разделом о разделе о трансцендентальной ит вопрос, уже разрешенный в

разделе о схематизме, а именно, как категории в качестве субъективных условий мысли могут иметь объективную значимость, т.е. относиться к независимо от них существующим предметам? Дело в том, что в §10 и в разделе о схематизме фактически дан генезис чистых рассудочных понятий, или категории: причем генезис как формы, так и содержания этих понятий. В разделе же о трансцендентальной дедукции категорий И. Кант фактически игнорирует часть рассуждений, касающуюся генезиса содержания, и представляет категории исключительно как *Notionen*, т.е. как чисто логические априорные конструкции. В работе «Кант и проблема метафизики» М. Хайдеггер систематически перечисляет моменты, которые запутывают постановку вопроса о трансцендентальной дедукции категорий: рассмотрение категорий в отрыве от их отношения ко времени; представление о том, что предмет может быть дан только и исключительно благодаря способности созерцания; метафизическое, а не трансцендентальное рассмотрение *a priori*, то есть понимание *a priori* как принадлежащего «изолированному субъекту» до всякого отношения к предметам. Почему же происходит такая путаница или, как минимум, приводятся столь разноречивые толкования одной и той же проблемы? Если суммировать все сказанное М. Хайдеггером в двух работах, посвященных И. Канту, можно составить следующий перечень аргументов: 1) продвижение И. Канта в его исследованиях было куда более глубоким, нежели существовавшая в то время градация и разделение дисциплин, например разделение на логику и психологию (соответственно, чтобы избежать психологичности, И. Кант отходит от своей экспликации воображения (фантазии) как чего-то «психологического»); 2) представление о «формальной логике» как образцовой дисциплине: здесь можно вспомнить и о выдвижении логики как образца для метафизики в предисловии к «Критике» и о приведении готовой таблицы суждений, и о чисто гипотетическом развитии «трансцендентальной логики» в противовес полной обоснованности и четкости «формальной», в то время как именно «трансцендентальная логика» имеет своим предметом «отношение мышления к предметам»; 3) рассмотрение И. Кантом своего исследования как «судебной тяжбы» с догматической метафизикой, которая пыталась судить о вещах на основании и исходя из одних только понятий. Итак, М. Хайдеггер полагает, что раздел о схематизме представляет собой подлинный и глубочайший прорыв в исследовании способностей души, в то время как раздел о трансцендентальной дедукции категорий представляет достаточно противоречивое изложение, связанное с некоторым отступлением И. Канта от своих же собственных интеллектуальных результатов.

Последний фрагмент, на основании которого М. Хайдеггер демонстрирует место и значение трансцендентальной силы воображения в познании, – это фрагмент о синтезе аппрэгенции (*Apprehension*) в созерцании, синтезеrepidukции (*Reproduction*) в воображении и синтезе рекогниции (*Recognition*) в понятии¹. Именно здесь мы имеем наибольшее количество «модернизирующих прочтений». Эти модернизирующие прочтения касаются как взаимоотношения между способностями, так и, собственно, структуры субъективно-

¹ В переводе Н.О. Лосского эти термины звучат как «аппрэгенция», «воспроизведение» и «воспризнание».

сти. Иногда они касаются не только сути, но и языка кантовского описания. Но об этом будет сказано чуть ниже.

И. Кант, как обычно, начинает с эмпирического синтеза, чтобы затем перейти к чистому. Что же дано на уровне эмпирической аппрегензии? Созерцание имеет место «здесь» и «теперь», в данный момент времени, в определенное мгновение. М. Хайдеггер подчеркивает, что каждое представление сосредоточено в определенном моменте, а значит, изолировано от всего остального, но изолированные друг от друга впечатления не могут составить многообразия впечатлений. И вот эмпирический синтез аппрегензии как раз и обеспечивает их соединение и данность многообразного как такового. Но сама эта данность требует выполнения предварительного условия – удержания времени и пространства, согласно И. Канту, и удержания самого момента «теперь», момента «настоящего», согласно М. Хайдеггеру. Это предварительное условие и обеспечивается чистым синтезом аппрегензии. Расхождение в формулировке И. Канта и М. Хайдеггера объясняется двумя обстоятельствами: 1) И. Кант позже, в тексте сам скорректирует свою формулировку, признав, что представление о времени может быть полностью сформировано только благодаря способности воображения, а на уровне созерцания дано только «настоящее», что позволяет расценивать интерпретацию М. Хайдеггера как вполне аутентичную; 2) одновременно, общий смысл акцентирования М. Хайдеггером именно момента «настоящего» применительно к созерцанию полностью проясняется лишь в контексте интерпретации им всех трех синтезов и является по сути «модернизирующими», о чем будет сказано ниже.

Эмпирический синтез репродукции позволяет представлять также и то, что не дано актуально, что не дано в данный момент в созерцании. Если бы мы забывали то, что было дано в предыдущий момент, в момент «уже-не-теперь», то мы не могли бы представить себе нечто минувшее. Но воображение, согласно вышеупомянутой цитате из кантовской «Антропологии», – это именно «способность представлять предмет и без его наличия (в настоящем времени)». Согласно М. Хайдеггеру, благодаря воображению мы можем представить весь округ многообразного, то есть весь предметный регион. Но это опять же требует выполнения предварительного условия. Это условие М. Хайдеггер формулирует как способность удерживать момент «уже-не-теперь» в его связи с моментом «теперь», то есть возможность удерживать открытый горизонт прошлого. И это удержание осуществляется в чистом синтезе репродукции. Данная интерпретация, по-видимому, частично согласуется, частично не согласуется с кантовским текстом. В чем согласуется? Бессспорно, способность воображения задействована в данности предмета: как на эмпирическом, так и на чистом уровне. Предмет дан не только и исключительно с помощью способности созерцания. В целом, этот ставший позднее практически «общим местом» тезис, впервые высказан именно И. Кантом: «Что воображение есть необходимая составная часть самого восприятия, об этом, конечно, не думал еще ни один психолог. Это происходит отчасти вследствие того, что эту способность ограничивают только деятельностью воспроизведения, а отчасти вследствие того, что предполагают, будто чувства не только дают нам впечатления, но даже и соединяют их и производят образы предметов, между тем как для этого, без сомнения, кроме воспри-

и
вг
л€
нъ
ро
сх
ве,
пр
ил
сн:
объ
ле¹
тел
ши
одн
вы^е
тер
от^к
гие^и
вае^т
как
шее
«аут
] синт
ние
пред
щий
этом
робн
функ
обыч
ру, И
ски с
на бо
как р
И. Ка
связи
зов к^а
меру,
к тако
няет Е
предст

1 С
рассматр
ственны

зыка кантовского описания.

ого синтеза, чтобы затем пе-
ческой аппрегензии? Созер-
имент времени, в опреде-
что каждое представление
изолировано от всего остал-
не могут составить многооб-
прегензии как раз и обеспечи-
такового. Но сама эта дан-
сия – удержания времени и
го момента «теперь», момен-
дварительное условие и обес-
дение в формулировке И. Кан-
ствами: 1) И. Кант позже, в
признав, что представление о
лько благодаря способности о «настоящее», что позволяет
полне аутентичную; 2) одно-
айдеггером именно момента
тностью проясняется лишь в
и является по сути «модер-

яет представлять также и то,
мент в созерцании. Если бы
и момент, в момент «уже-не-
что минувшее. Но вообра-
вской «Антропологии», – это
без его наличия (в настоящем
я воображению мы можем
весь предметный регион. Но
льного условия. Это условие
удерживать момент «уже-не-
есть возможность удерживать
ие осуществляется в чистом
ю-видимому, частично согла-
текстом. В чем согласуется?
вована в данности предмета:

Предмет дан не только и ис-
ания. В целом, этот ставший
, впервые высказан именно
я составная часть самого вос-
дин психолог. Это происходит
ограничивают только деятель-
того, что предполагают, будто
же и соединяют их и произво-
, без сомнения, кроме воспри-

имчивости к впечатлениям, требуется еще нечто, именно функция синтеза впечатлений»¹ [1. С. 105]. Так же эта интерпретация согласуется с представлением И. Канта о существенной роли трансцендентальной силы воображения в формировании представления о времени. Это обстоятельство зафиксировано И. Кантом как минимум дважды: в разделе «О трансцендентальном схематизме» и в разделе «О синтезе воспроизведения в воображении». Приведем ясную и недвусмысленную цитату: «Без сомнения, если я мысленно провожу линию или представляю себе время от одного полудня до другого, или хочу лишь представить себе какое-нибудь число, я необходимо должен сначала брать одно за другим представления, входящие в состав этих многообразий. При этом если бы я постоянно забывал предшествующие представления (первые части линии, предшествующие части времени или последовательно представляемые единицы) и не воспроизводил их, переходя к следующим, то у меня никогда не возникло бы целое представление, не возникла бы ни одна из названных раньше мыслей и даже не образовались бы чистейшие и первые основные представления пространства и времени» [1. С. 97]. Эта цитата интересна еще и тем, что приводимый в ней пример действительно апеллирует к открытости горизонта именно прошлого, что в некотором смысле служит аполо-гией хайдеггеровской интерпретации. Однако данная интерпретация не учитывает в данном случае общего определения способности воображения у И. Канта как способности, с помощью которой мы можем представлять прошлое и будущее. Вот это последнее обстоятельство и не позволяет говорить о полной «аутентичности» вышеупомянутого толкования.

Но наиболее радикальный разрыв происходит с истолкованием третьего синтеза – синтеза рекогниции в понятии. Понятие, по Канту, – это усмотрение единого (общего), усмотрение тождества в ряду представлений (того, что представляется в настоящий момент, с тем, что представлялось в предыдущий момент). Генезис эмпирических и чистых рассудочных понятий при этом является существенно различным по своей природе (это различие подробно описано И. Кантом в §10 и проинтерпретировано М. Хайдеггером), но функция привнесения единства является общей как в случае формирования обычных понятий, так и в случае формирования категорий. По М. Хайдеггеру, И. Кант склонен противопоставлять третий синтез первым двум, фактически сводя его к трансцендентальной апперцепции и тем самым воспроизводя на более высоком уровне разрыв между созерцанием и мышлением, именно как разрыв между временем и «я мыслию». М. Хайдеггер полагает также, что И. Кант недостаточным образом истолковывает этот синтез относительно его связи с аппрегензией и репродукцией и склонен к рассмотрению этих синтезов как осуществляющихся последовательно, о чем свидетельствует, к примеру, следующий фрагмент: «Уже самое слово понятие могло дать нам повод к такому замечанию, так как именно это *единое* сознание есть то, что объединяет в одно представление многообразие, постепенно данное в наглядном представлении и затем воспроизведенное» [1. С. 97]. Далее, он считает, что

¹ См. также работы основоположников гештальт-психологии; см. также: «...фантазия должна рассматриваться как нечто изначальное, она не порождается, а только все более ограничивается чувственным восприятием» [3. С. 181].

название, данное синтезу И. Кантом, искажает его функцию. Латинскому слово «*recognition*» соответствует немецкий аналог «*Wiederekennen*», что неблагозвучно, но зато достаточно точно для данного контекста переводится на русский как «вновь-познание»¹. М. Хайдеггер считает этот термин неудачным, так как только все три синтеза в совокупности конституируют знание, а термин затемняет такое положение дел и предлагает свое название для этого синтеза – «идентификация». Далее, он критикует представление о линейной последовательности синтезов. Его аргумент сводится к тому, что мы не могли бы идентифицировать «данное» в созерцании с «воспроизведенным» в воображении, если бы изначально уже не удерживали единство. Изначально – не в качестве заданности, а в качестве «проекта» целого, проекта всего «сущего». Отсюда понятно, что третий синтез – синтез рекогниции – толкуется также как направленный на время, а именно на будущее. Наше познание не начинается с момента «теперь», а начинается с некоего проекта целого, которое затем, так или иначе, открывается в последовательности аппрэгензий и репродукций. В связи с этим М. Хайдеггер предлагает второе переименование синтеза – в синтез «*Praecognition*» – прекогниции, уже самим его названием указывая на первичный и предваряющий характер его осуществления. Так, все три синтеза получаются направленными на время: «*Die Synthesis der Apprehension ist bezogen auf die Gegenwart, die der Reproduction auf die Vergangenheit und die der Prae-cognition auf die Zukunft*»² [2. С. 364]. А поскольку эти синтезы суть перво-отношения субъекта, сама структура субъективности является временной.

Очевидно, что данная интерпретация является радикально «модернизирующей» и уже не опирается на кантовский текст. Ее можно рассматривать частично как критику некоторых положений И. Канта: критику отсутствия связи между синтезами аппрэгензии и репродукции, с одной, и синтезом рекогниции, с другой стороны; критику линейной последовательности синтезов и т.д., – частично как развитие собственной онтологии, о чем свидетельствует даже выбор языка описания проблемы. До этого фрагмента М. Хайдеггер, если и переинтерпретировал кантовские понятия в терминах своей онтологии, то все равно всегда были видны и понятны исходные языковые конструкции. К примеру, хайдеггеровское различие «онтического и онтологического образования понятий» совершенно эквивалентно генезису «эмпирических» и «чистых рассудочных понятий» у И. Канта. Хайдеггеровское понятие «сущего» эквивалентно кантовскому понятию «явления» и т.д. В последнем же фрагменте таких языковых эквивалентов и аналогов попросту нет. Далее. Данная интерпретация меняет онтологическую оптику рассмотрения проблем. Например, М. Хайдеггер часто использует при толковании понятие «*Dasein*» вместо понятия «субъекта». Очевидно, что онтологически это совершенно не равносильные конструкции. Не касаясь всех возможных отличий, зафиксируем лишь одну важную деталь: понятие субъекта у И. Канта толку-

¹ Дословный перевод этого слова с немецкого «узнавание». Однако здесь (*re-cognition*, *Wiederekennen*) важны другие акценты: корень, указывающий на процесс познания, и приставка, указывающая на повторный характер действия.

² «Синтез аппрэгензии направлен на настоящее, синтез репродукции – на прошлое, а синтез прекогниции – на будущее» (перевод мой. – М.К.).

ется «тра как всег толь пред вова врем ший прим ной все фор ному зать, даже синт «тра сооти товск

И ракте тягот поня «фил ние п явле ричес тальн М. Х гера, гласи ет дл

1.
2.
furt am
3.
1994.
4.,
вания п

1 Сп
2 Сп

иет его функцию. Латинскому аналог «Wiedererkennen», что данного контекста переводится Хайдеггер считает этот термин неизокупности конституируют по цел и предлагает свое название он критикует представление о аргумент сводится к тому, что созерцании с «воспроизведен» не удерживали единство. Из-за честве «проекта» целого, прошлый синтез – синтез рекогниции времени, а именно на будущее. Перью», а начинается с некоего открыывается в последовательном М. Хайдеггер предлагает «Praecognition» – прекогниции, ный и предваряющий характер чаются направленными на времена auf die Gegenwart, die der Re-prae-cognition auf die Zukunft»² право-отношения субъекта, сама.

яется радикально «модернизированный» текст. Ее можно рассматривать И. Канта: критику отсутствия реконструкции, с одной, и синтезом реальной последовательности синтезов онтологии, о чем свидетельствует того фрагмента М. Хайдеггер, который в терминах своей онтологии исходные языковые конструкции «онтического и онтологиче- генезису «эмпирического» Канта. Хайдеггеровское понятие «явления» и т.д. В последнем аналогов попросту нет. Далее, оптику рассмотрения проявляет при толковании понятие ино, что онтологически это со- сасаясь всех возможных отличий, тие субъекта у И. Канта толку-

ние». Однако здесь (re-cognition, Wiedererkennen) процесс познания, и приставка, указывающая на прошлое, а синтез пре-

ется сложно, в том числе в смысле колебания между «метафизическим» и «трансцендентальным» пониманием a priori, то есть пониманием субъекта как замкнутого и изолированного в своей имманентной сфере и субъекта как всегда уже относящегося к предметам. В то время как Dasein уже изначально толкуется как интенционально структурированное, то есть направленное на предметы, что и зафиксировано в наименовании основной структуры существования этого сущего – «бытие-в-мире». Соответственно, к примеру, тезис о временной конституции субъективности, совершенно органично вытекающий из «природы» Dasein, порождает дикие интеллектуальные затруднения применительно к кантовскому субъекту. Ведь понятно, что тезис о «временной структуре субъективности» не характеризует бытие «эмпирического Я», все психические процессы которого, само собой разумеется, протекают в форме времени. Этот тезис должен, по идеи, относиться к «трансцендентальному субъекту», про которого, согласно И. Канту, мы ничего не можем сказать, кроме того, что «он есть». В этой связи показательно, что М. Хайдеггер даже не предпринимает попытки апплицировать свою интерпретацию трех синтезов как образующих временную структуру субъективности на понятие «трансцендентального субъекта». И эта интерпретация остается, по сути, не соотнесенной не только с этим фрагментом, но и не вписанной в целое кантовского учения.

И, наконец, последнее замечание касается фиксации «смешанного» характера хайдеггеровской интерпретации. Одни части данной интерпретации тяготеют скорее к канону «исторической герменевтики»¹ с ее стремлением понять, «что хотел сказать автор», другие же – явно демонстрируют максиму «философской герменевтики»² – понять, «что сказано в тексте». Это смешение порождает иногда парадоксальные эффекты. И одним из таких эффектов является недооценка значимости хайдеггеровской интерпретации в ее «исторической» части. В то время как фундаментальный характер трансцендентальной силы воображения в познании исчерпывающим образом обоснован М. Хайдеггером и даже признается философскими оппонентами М. Хайдеггера, в частности Э. Кассирером: «В одном пункте между нами имеется согласие: мне также кажется, что продуктивная способность воображения имеет для Канта центральное значение» [4. С. 125].

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993.
2. Heidegger M. Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft. Frankfurt am Main, 1995.
3. Шелер М. Положение человека в космосе // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.
4. Давосская дискуссия между Эрнстом Кассирером и Мартином Хайдеггером // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. Минск, 2001.

¹ См., например: Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М., 2011.

² См., например: Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988.

закона, поскольку допускают различие индивидуальных истолкований самих судей. Однако благодаря этим правилам происходит спецификация наказания в случае нарушения первичных правил.

Теперь обратим внимание на остиновскую теорию неудач, в которой рассматриваются необходимые условия успешной/неудачной коммуникации. Предметом анализа у Дж. Остина становятся обстоятельства, препятствующие проведению какой либо социально-коммуникативной процедуры. Условиями успешности перформатива у Дж. Остина считаются: 1) наличие конвенциональной процедуры, в которую входит произнесение необходимых слов определенными лицами в соответствующих обстоятельствах (A.1); 2) лица и обстоятельства должны быть пригодны для проведения процедуры (A.2); 3) процедура должна выполняться участниками правильно (B.1); 4) и (B.2); 5) лица, участвующие в процедуре, должны иметь подлинное намерение к совершению соответствующих поступков (Г.1); 6) впоследствии они должны вести себя соответственно (Г.2) [2. С. 32–33].

Во-первых, мы можем наблюдать у Г. Харта наличие определенной конвенциональной процедуры (A.1 у Дж. Остина), которая стоит в основании права. Особенно это отчетливо видно при рассмотрении «вторичных правил». Вся суть этого в их генезисе – у «вторичных правил» есть своя историческая и хронологическая точка отсчета. «Первичные правила» могут такой точки отсчета не иметь, поскольку их соблюдение может быть гарантировано традицией, а первичный источник их генезиса может быть утерян. Вернее даже так – вторичные правила дают саму возможность возникновения конвенций. И как недаром говорит Г. Харт, возникновение вторичных правил можно по своей значимости сравнить с «изобретением колеса».

Правотворческая и правоприменительная практика, помимо своего содержания по поводу конкретных правоотношений, имеют и процессуальную сторону, где оговорено кто, когда и при каких условиях может выносить, к примеру, определенное решение или создавать новую норму. Соответствие правилу A.2, B.1 и B.2 также очевидно – существуют лица, наделенные властью принимать какие-либо решения, и они должны выполнять их правильно и полностью. Несоответствия этим правилам в осуществлении действий Дж. Остин называет «осечками» и подробно приводит примеры, которые нет необходимости далее демонстрировать.

Во-вторых, утверждения, относящиеся к сфере права, не являются констативными утверждениями, а исключительно перформативными. «И лишь широко распространенная навязчивая идея, что юридические высказывания, – пишет Дж. Остин, – и те высказывания, которые встречаются в «юридических актах», непременно должны быть утверждениями, либо истинными, либо ложными, воспрепятствовала более ясному, чем у нас, пониманию сущности юридических актов» [2. С. 36].

Более сложно с правилами Г.1 и Г.2 и с границами их применимости к пониманию права как системы первичных и вторичных правил. Их нарушения именуются Остином как « злоупотребления».

Вопрос заключается в следующем: может ли существование системы права необходимо предполагать условия Г.1 и Г.2 для осуществления успешного перформативного акта? Поэтому является ли требование полноты акта

настолько важным для системы права? Ведь как утверждает Дж. Остин, несоблюдение правил Г.1 и Г.2 приводит к тому, что акт совершен, но он пуст. Это акты действительные, но не успешные.

На этот вопрос можно ответить исходя из понимания Г. Хартом двух видов утверждений или терминов: их Г. Харт подразделяет на дескриптивные и аскриптивные. Как указывает В.В. Оглезнев в работе «Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права», у Г. Харта «юридический дискурс лишен значения истины, <...> у права нет сущности, то есть необходимых и достаточных условий или неких необходимых свойств, присущих ему всегда» [7. С. 128].

Важным параметром аскриптивных суждений является то, что они могут быть отменяемыми. Это можно продемонстрировать на примере различного рода презумпций и фикций. В отечественном уголовном законодательстве в случае, если преступление совершено группой лиц – возьмем в данном случае двух человек – и, в результате, оказывается, что одному из них не исполнилось 14 лет, то преступление уже не может квалифицироваться как совершенное в составе группы. Можно взять в качестве примера фикцию, согласно которой, по прошествии определенного периода времени без вести пропавшее лицо объявляется умершим. В данном случае объявляется некоторое решение, которое не описывает фактическую ситуацию, а предписывает на основе фактов считать ситуацию именно такой, а не иной. Здесь и осуществляются в юридическом дискурсе действия при помощи слов.

Таким образом, условия Г.1 и Г.2, предложенные Дж. Остином, можно рассматривать немного в другой плоскости. Ведь перформативный акт оказывается с внешней стороны осуществленным, если выполнены условия А и В – условия Г оказываются важными лишь для их логической полноты – ведь акты осуществляются разумными существами (по умолчанию) и никем иным. И в этом смысле осуществление акта не должно оцениваться строго по всем параметрам, заданным Дж. Остином. Акт может оцениваться с точки зрения цели, не только ее действительности, но и возможности ее осуществления. Если кто-то дает неискреннее обещание, но тем не менее его выполняет или прикладывает к этому выполнению все усилия, то тогда акт отвечает всем указанным Дж. Остином условиям – условия Г оказываются выполненными, несмотря на любые «внутренние» события «одинокой душевной жизни».

То есть рассмотрение акта с точки зрения цели обходит стороной проблему «ментального фактора», «умысла», «воли» и «alter ego». Если рассматривать формулировку «умышленного действия» в качестве дескриптивной, то мы с необходимостью впадаем в противоречия – в попытке ответить на вопрос, было ли некое действие умышленным, мы неявно подразумеваем существование особой непредметной «духовной» реальности, указание на которую будет проблематичным. Другое дело, если мы наличие или отсутствие «умысла» рассматриваем аскриптивно, основываясь на том, имели ли место такие факты, которые говорят либо о наличии «умысла», либо об обратной ситуации. Вердикт судьи не описывает «умысел», а приписывает его. «Умысел» становится столь же необходимым предположением, основанным на фактическом составе – «как если бы» он был, или «как если бы» его не было, оставляя за скобками ту реальность, которая может быть с точки зрения Дру-

гого рассмотрена только экстраспективно. То, что понимание дескриптивности юридических терминов ведет к абсурдности вытекающих из этого понимания следствий, Г. Харт демонстрирует в работе «Волевые акты и ответственность». «Поведение является «намеренным» или представляет собой «волевой акт», — пишет Г. Харт, — если мышечное сокращение <...> вызвано желанием к этим сокращениям» [8. Р. 99]. Подобное понимание ведет к тому, что с помощью так называемых «минимальных сокращений» невозможно объяснить более сложные действия, такие как захлопывание, нанесение удара кому-то — мы не можем сказать, какие намеренно мышцы мы сокращаем, прежде чем совершить что-либо. В этом смысле неверное понимание того, что юридический язык является дескриптивным, вполне возможно было бы объяснить исходя из тезиса Г. Райла в его работе «Понятие сознания» об особом логическом поведении ментальных терминов — «категориальной ошибке», в результате которой им приписывается существование, подобное существованию физических тел [9. С. 28–32].

Итак, если говорить о генезисе понятия «действия» в аналитической философии права Г. Харта, то очевидным представляется то, что его структура во многом повторяет структуру, предложенную Дж. Остином в его теории перформативных актов (в частности, мы рассматривали остиновскую теорию неудач). Значение «действия» как перформативного акта задается различием, проведенным Г. Хартом в его теории аскрипции, и, более того, имеет важное и фундаментальное значение для конституирования системы права как системы первичных и вторичных правил. Это говорит как об едином тематическом и методологическом поле теории перформативных актов и хартовской аналитической философии права, так и о внутренней цельности и взаимосвязанности философии Г. Харта в целом.

Литература

1. Бикс Б.О. О философии в американском праве: аналитическая философия права: пер. В.В. Оглезнева; под ред. В.А. Суровцева // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. №2 (22). С. 215.
2. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII. С. 22–130.
3. Райнах А. Априорные основания гражданского права // Собрание сочинений. М.: ДИК, 2001.
4. Smith B. Austrian philosophy. The legacy of Franz Brentano. Open Court Publishing Company Chicago and LaSalle, Illinois 1994. [Электронный ресурс]. – URL: http://ontology.buffalo.edu/smith/book/austrian_philosophy (дата обращения: 10.11.2013).
5. Борисов Е.В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
6. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007.
7. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.
8. Hart H. L. A. Acts of Will and Responsibility // Punishment and Responsibility. Oxford University Press. 2008.
9. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 1999.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АРДАШКИНА Ольга Михайловна** – аспирант кафедры философии института социально-гуманитарных технологий Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет». E-mail: olgaardashkina@mail.ru
- БЕЗЛЕПКИН Евгений Алексеевич** – аспирант Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: evgeny-bezlepkin@mail.ru
- ГИЛЬ Александра Юрьевна** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории и истории культуры института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kosasa@mail.ru, liga@tomsk.gov.ru
- ГОРБАТОВ Виктор Викторович** – ст. преподаватель кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: vgorbatov@hse.ru
- ГОРБАТОВА Юлия Валерьевна** – кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: jgorbatova@hse.ru
- ИЛЬИНА Юлия Андреевна** – кандидат философских наук, доцент кафедры философия и история Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный университет» – учебно-научно-производственного комплекса (г. Орел). E-mail: ilinajulia_orel@mail.ru
- КИСЕЛЕВ Виктор Ильич** – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей экономической теории Кузбасской государственной педагогической академии. E-mail: ilichsteel@mail.ru
- КОРОБЕЙНИКОВА Лариса Александровна** – профессор, доктор философских наук, зав. кафедрой теории и истории культуры Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru
- КРАСИКОВ Владимир Иванович** – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии юридического факультета государственного образовательного учреждения «Кемеровский государственный университет». E-mail: krasikov1958@yahoo.com
- КРЕЧЕТОВА Мария Юрьевна** – кандидат философских наук, доцент кафедры наук о культуре философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: mkruchet@mail.ru
- ЛАДОВ Всеволод Адольфович** – профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета; зав. кафедрой философии Томского научного центра СО РАН. E-mail: ladov@yandex.ru
- ЛАМБЕРОВ Лев Дмитриевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания департамента философии института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: l.lamberov@gmail.com
- ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург). E-mail: vlobovikov@mail.ru
- МАЛЫШКИН Евгений Витальевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: malyshevkin@yandex.ru
- МОИСЕЕВА Агнесса Петровна** – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и социальной коммуникации Национально-исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: apt_tpu@mail.ru
- НУРГАЛЕЕВА Лариса Владимировна** – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных проблем информатики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: nurgaleeva@yandex.ru
- ПИРОГОВ Сергей Владимирович** – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: pirogoff@ngs.ru